Alexander Amfiteatroff.

Der Ursprung des Antisemitismus in Russland

Band II.

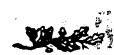
Das Judentum als Geist der Revolution.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Происхожденіе антисимитизма

II ЧАСТЬ.

Еврейство какъ духъ революціи.

Берлинъ 1906.

VERLAG DER STUHR'SCHEN BUCHHANDLUNG.

Berlin.

Еврейство какъ духъ революціи.

II.

Въ первомъ нашемъ чтеніи мы старались установить и доказать нижеслѣдующіе тезисы.

1. Что антисемитизмъ долженъ быть понимаемъ вѣрнѣе, какъ антііудаизмъ.

2. Что религіозный элементъ въ антисемитизмѣ—хотя и наиболѣе показной и бросающійся въ глаза, не есть въ немъ основной и рѣшающій. Религіозныя вражды—только маски и арены антагонизма, истекающаго изъ соціальныхъ причинъ, обособившихъ іудейство въ гордое и возвышенное одиночество среди народовъ древняго міра.

3. Что, вопреки господствующему мнѣнію о буржуазности еврейскаго народа, геній іудаизма уже въ VIII вѣкѣ до Р. Х. дышалъ чисто соціалистическими вѣяніями, въ писаніяхъ пророковъ и въ кодексѣ Второзаконія.

4. Что соціалистическія вѣянія Исаіи, Іереміи и Второзаконія уже навсегда остались руководящими силами іудейскаго духа, перейдя и во всѣ

его производныя отрасли: первобытное христіанство, пуританскій протестантизмъ, — включительно до формировки въ XIX вѣкѣ соціалистическихъ доктринъ, развитыхъ и утвержденныхъ, по преимуществу, евреями же.

5. Что соціалистическій характеръ еврейскаго генія, проявляясь въ противогосударственности и обособленности іудейскаго народа, есть истинная причина антисемитизма въ древней эллинской культурѣ, какъ вышедшей изъ діаметрально противоположной центральной идеи πόλις'а.

6. Что родины антисемитизма суть эллинизированные большіе города африканской и азіатской діаспоры, въ особенности же Александрія.

7. Что, кромѣ вышеуказанной основной причины античнаго антисемитизма, поводами къ взрывамъ его являлись, съ одной стороны, прекрасныя рабочія качества древнихъ евреевъ, дешевизна ихъ труда, сплоченность ихъ обществъ и откровенное отрицаніе ими разврата и роскоши восточныхъ цивилизацій; съ другой стороны — антипатія къ еврейской буржуазіи и ненависть къ чужеземной иммиграціи, всюду становившейся подъ патронажъ наличной верховной власти, а потому и въ высшей степени оппортюнистической.

8. Что древнее еврейство діаспоры, внутреннимъ укладомъ своихъ status in statu, являлось силою прогрессивною и революціонною, съ соціаль-

ныхъ точекъ зрѣнія; внѣшняя же политика его, обоснованная на самоохранительныхъ компромиссахъ съ существующимъ строемъ, обыкновенно была на руку реакціи.

9. Что еврейская буржуазія, —центръ, органъ и факторъ такихъ компромиссовъ, — возникла, начиная съ Вавилонскаго Плѣненія, какъ отрицательный плодъ антисемитизма же. Будучи организаціей капиталистической самозащиты еврейства отъ враждебныхъ народовъ и государствъ, она представляетъ собою въ іудаизмѣ наносную формацію, а не основной пластъ.

10. Что антисемитизмъ — откровенный и неразлучный спутникъ монархическаго принципа, а втайнѣ уживается очень дружно и со всѣми буржуазными лжедемократіями, хотя бы и при республиканскихъ формахъ правленія. И — наконецъ —

11. Что, такимъ образомъ, гибель извѣчнаго антисемитическаго зла можетъ и должна воспослѣдовать только въ томъ республиканскомъ союзѣ международныхъ народоправствъ, который создаетъ пролетарская побѣда въ современной борьбѣ классовъ.

Очень прошу васъ, господа слушатели, запомнить эти основныя положенія, такъ какъ ихъ я буду постоянно держаться и въ дальнѣйшемъ развитіи нашей темы.

Въ настоящее чтеніе мы займемся, необычайно важнымъ для формировки еврейскаго народнаго „я“ и интернаціональнаго ему противодѣйствія, періодомъ, когда самостоятельное іудейское государство стало въ зависимость отъ Рима — сперва союзную, потомъ въ формѣ протектората, потомъ вассальную, потомъ на положеніи оккупированной враждебной провинціи — и, наконецъ, погибло, вмѣстѣ съ Іерусалимомъ и третьимъ храмомъ, разрушенное столько же внутри себя партійными неурядицами, сколько извнѣ грозными легіонами Тита Веспасіана.

Я не намѣренъ утомлять васъ военными, дипломатическими и политическими подробностями этого длиннаго процесса, завершеннаго одною изъ самыхъ трагическихъ катастрофъ, какія только помнитъ исторія всемірной цивилизаціи. Для насъ онъ важенъ лишь, какъ время и мѣсто дѣйствія тѣхъ соціально-религіозныхъ причинъ, что подготовили, выносили и родили въ міръ новый могучій историческій факторъ — христіанство. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, переломили и многовѣковый характеръ еврейскаго антисемитизма. *Завершили* его періодъ эллинскій, котораго типическою соціальною основою являлся антагонизмъ противугосударственнаго іудейскаго духа съ государственнымъ духомъ *πόλις*'а, а религіознымъ символомъ — гнѣвная борьба противъ Яхве, какъ всемірнаго вседержителя и

законодателя, помѣстныхъ политическихъ культовъ, кодексовъ, философій и правъ. *Начали* его періодъ христіанскій, въ которомъ іудейство послѣ долгихъ лѣтъ самопожиранія и саморазрушенія безумнѣйшими смутами отчаянія, увидало предъ собою старыхъ враговъ въ новыхъ маскахъ — своими властными побѣдителями, повелителями и притѣснителями. И, къ сожалѣнію, продолжаетъ видѣть ихъ такъ даже и до сихъ поръ.

Вкрадчивый свѣтъ эллинской культуры одерживалъ побѣды всюду, гдѣ онъ сіялъ кротостью и миромъ, черпая свою силу въ наукѣ, философскихъ школахъ, поэзіи, искусствахъ, художественной промышленности, коммерческихъ отношеніяхъ. Наоборотъ, онъ всюду проигрывалъ свое дѣло, гдѣ, измѣняя самому себѣ, вооружался грубою силою и ополчался на свободную совѣсть своихъ народовъ нравами и пріемами, заимствованными у восточныхъ деспотій. Въ періодъ своего вассальства сирійскимъ монархамъ, Селевкидамъ, Іудея начало было эллинизироваться довольно мирно и съ опасною быстротою. Страна наполнилась городами съ греческими названіями, въ обществѣ заговорили по гречески, историческіе дѣятели эпохи передѣлываютъ свои библейскія имена на греческій ладъ, и, — яркій фактъ совершенной эллинизаціи! — первосвященникъ Язоанъ, тоже перекроивши свое имя изъ Іошуа, Іисуса, ходатайствуетъ предъ царемъ Ан-

тіохомъ Эпифаномъ о дарованіи жителямъ Іерусалима антіохійскаго гражданства и объ учрежденіи въ Іерусалимѣ греческой гимназіи. Это время эпидемическаго, такъ сказать, „западничества“, могло бы быть побѣдоноснымъ, еслибы, къ счастію іудейской самобытности, Антіохъ Эпифанъ не оказался самодуромъ и насильникомъ того самодержавно-бюрократическаго типа, который такъ хорошо и такъ печально знакомъ окраинамъ и, вообще, инородческимъ группамъ нашего несчастнаго отечества. Это — прототипъ Голицына на Кавказѣ и Дурново — для всей Россіи: человѣкъ, слѣпо вѣрующій въ всемогущество самодержавной бумаги и для торжества ея готовый спокойно утопить въ крови хоть цѣлый міръ. Никакихъ счетовъ ни съ націей, ни съ религіей, ни съ обычаемъ: это все — философія. Есть бумага, на бумагѣ приказъ, и, кто приводитъ приказъ въ исполненіе, тотъ — и царь, и богъ, и законъ для трепещущаго подданнаго. „Мы не греки, о нимфа! мы толстокожіе скиѳы!“ восклицаетъ о русскихъ тургеневскій Шубинъ. Согласное этому грустному признанію скиѳство проявляется въ нашемъ отечествѣ весьма большимъ обиліемъ государственниковъ, подобныхъ Антіоху Эпифану. Но въ семьѣ эллинизма онъ остается весьма исключительнымъ уродомъ, такъ что можно сомнѣваться, былъ ли онъ въ здравомъ умѣ. Однимъ почеркомъ пера онъ похерилъ культъ

Яхве и замѣнилъ его культомъ олимпійскаго Зевса, а несогласныхъ и непокорныхъ принялся люто казнить. Его эллинизаторская ненависть къ еврейской религіи, обычаю, языку, одеждѣ, націи, расѣ напоминаетъ именно Голицына, который, въ припадкѣ арменофобіи, клялся довести руссификацію Кавказа до того, что въ Тифлисѣ останется только одинъ армянинъ, это — чучело армянина въ городскомъ музеѣ. Еврейство стиралось съ лица земли въ такой послѣдовательности, что была даже изобрѣтена какая то операція, вмѣнявшаяся въ обязанность евреямъ ренегатамъ, чтобы маскировать слѣды обрѣзанія. Всѣ эти дикости центральной власти, какъ водится, привели къ результатамъ, совершенно противоположнымъ, чѣмъ ожидалось. Дурново, тираня, сажая въ тюрьмы, ссылая въ Якутскую область, разстрѣливая, вѣшая, разбойничая по всей Россіи, и соціалъ-демократы достигъ только того, что озлобленная и испуганная страна почти единодушно вручила свое представительство политической партіи, которая ранѣе далеко не была популярна, и которой единственною твердою рекомендаціей было — что она не партія г. Дурново. Такъ какъ соціалъ-революціонеры, бойкотировали Государственную Думу, то за отсутствіемъ лучшаго представительства, народъ наполнилъ Думу хоть кадетами, лишь бы не чувствовать надъ собою лапы друзей правительства, агентовъ Витте, Дурново.

Кн. Голицынъ своими опытами низвести цѣлую націю до музейскаго антика разбудилъ революцію національныхъ самооборонъ. Она раскидалась, отъ народа къ народу, по всему Кавказу и не гаснетъ, сколько ни заливаютъ ее кровью татарскіе добровольцы и доблестное христолюбивое воинство, подъ знаменами палача Алиханова. И, въ концѣ концовъ, дѣло то, всетаки, очень похоже на то, что Николаю Романову на Кавказѣ придется испытать судьбу Антіоха Эпифана въ Палестинѣ. Отъ пресловутой руссификаціи въ Закавказьи давно уже и слѣда не осталось, а среди страдающихъ, истерзанныхъ народовъ назрѣлъ тотъ энтузіазмъ массового мученичества, который — въ слѣдующей стадіи своего экстаза — рождаетъ Іуду Маккавея: великую мистическую силу народнаго единства, всесокрушающую стихію мстительныхъ побѣдъ.

Освободительныя войны — всетаки, войны, и зло, тайно скрытое въ ихъ добрѣ, язвительно мститъ за себя, дѣлая героизмъ освободительныхъ войнъ лѣстницею къ цезаризму. Смерть на полѣ битвы помѣшала Іудѣ Маккавею лично сдѣлаться Кромвелемъ или Наполеономъ, но не помѣшала утвердиться надъ освобожденнымъ народомъ династіи асмонеевъ, власть которой возникнувъ изъ воинственной націоналистической демагогіи, имѣла первоначально всѣ черты цезаризма, завернутаго, что неизбѣжно по духу древняго іудейства, въ

оболочку ѳеократіи. Династически, наслѣдственное первосвященничество асмонеевъ было счастливѣе протекторства Кромвеля и имперіи Наполеона: оно стояло во главѣ государства въ непрерывномъ преемствѣ 126 лѣтъ. Странна судьба этой династіи. Цезаристически выростая на почвѣ національнаго освобожденія, она очень счастливо продолжала свою политику имперіализма въ миніатюрѣ, объединила подъ скипетромъ Іуды маленькія палестинскія царства, водворила въ нихъ культъ Яхве и оставила по себѣ хорошую память, если не золотого вѣка, то все же серебрянаго. Асмонейскія монеты украшены хвастливыми эмблемами государственнаго мира и народнаго благосостоянія: все пальмы, виноградныя гроздья колосья и т. п. Между тѣмъ, по лѣтописямъ, какъ библейскимъ, такъ и Іосифа Флавія, очень замѣтно, что Асмонеи необычайно скоро стали жертвами вырожденія и нравственнаго помѣшательства: въ рѣдкой династіи инстинктъ самоистребленія работалъ болѣе самоубійственно, — ея лѣтопись сплошной хаосъ рѣзни кровныхъ родныхъ и междуусобицы претендентовъ. Однѣ внутреннія войны царя Александра Янная со своими подданными стоили еврейству 56,000 человѣкъ за 6 лѣтъ! Не удивительно, что подъ властью такой династіи національнализмъ, пробужденный маккавеейскими освободительными войнами, скоро погасъ въ народѣ, а Асмонеи опротивѣли ему смертельно. Воинственный и та-

лантливый пьяница, Александръ Яннай, однажды, затѣялъ мириться съ народомъ и вступилъ съ нимъ въ конституціонные переговоры. — Чего вы отъ меня хотите? спрашивалъ онъ. Народъ отвѣчалъ: — Того, чтобы ты умеръ!... Отвѣтъ, который, правду говоря, годится, какъ разъ по мѣркѣ, для всѣхъ монархическихъ попытокъ къ конституціоннымъ компромиссамъ съ революціей. Онъ стоитъ знаменитаго афоризма, прогремѣвшаго въ процессѣ Людовика XVI: „Капетъ достоинъ смерти уже за то, что былъ королемъ“. Въ другой разъ, на праздникѣ Кущей народъ забросалъ Александра Янная лимонами. Онъ мстилъ страшно и умеръ съ кличкою Ѳракида, т. е. убійцы, палача. Въ 63 году до Р. Х. Помпей Великій, утомленный интригами асмонея Аристобула II, взялъ Іерусалимъ приступомъ и уничтожилъ асмонейскую монархію, возстановивъ ѳеократическую республику, подъ протекторатомъ Рима и подъ наблюденіемъ сильнаго оккупаціоннаго отряда для укрощенія между усобій. Любопытно, что такой, казалось бы, страшный политическій переворотъ прошелъ безъ взрыва національной бури. Не смотря на рѣзню при безпощадномъ штурмѣ, Іосифъ Флавій не поминаетъ Помпея лихомъ; въ самомъ Іерусалимѣ нашлась огромная партія, заявлявшая, что римляне желательнѣе асмонеевъ, — эти люди предали Помпею городъ и царскій дворецъ и, вмѣстѣ съ римскими

легіонами, шли на штурмъ храма, гдѣ заперлись сторонники Аристобула. Съ своей стороны, Помпей ярко подчеркивалъ, что воюетъ не съ націей, но съ династіей. Такъ, онъ не велъ перестрѣлокъ и не дѣлалъ атакъ въ субботніе дни, а, послѣ штурма, не ограбилъ несмѣтныхъ сокровищъ храма и даже велѣлъ принести жертвы незримому іудейскому богу. Вообще, былъ настолько любезенъ, что іерусалимитяне, судя по мягкому, уважительному тону Іосифа Флавія, извинили Помпею, даже безтактность по невѣдѣнію, съ какою онъ во шелъ въ сокровенную часть храма и безжалостныя территоріальныя урѣзки государства и огромную контрибуцію. Вскорѣ римляне нашли нужнымъ возстановить въ Іудеѣ царскую власть. Она, однако, была поставлена ими въ столь вассальныя условія, что, по существу, являлась почти что ихъ туземнымъ намѣстничествомъ, вицеройствомъ. Отношенія Ирода Великаго, а тѣмъ болѣе его преемниковъ, къ Риму напоминали, пожалуй, отношенія какого нибудь эмира Бухарскаго къ Россіи, съ тою разницею, что международная политика Рима устраивала свои дѣла съ вассальными автономіями много умнѣе, искуснѣе и тактичнѣе нашихъ Ламсдорфовъ и Извольскихъ. Или — отношенія генералъ-губернаторовъ бывшей Румеліи къ Турціи, какъ они были намѣчены и осуществлены Берлинскимъ трактатомъ, до объединившаго Руме-

лію съ Болгаріей Филиппопольскаго переворота. Собственно говоря, когда Титъ Веспасіанъ разрушилъ Іерусалимъ и положилъ конецъ іудейскому самостоятельному государству, оно не было самостоятельнымъ уже болѣе ста лѣтъ. Но Римъ, вѣрный своей повсемѣстной системѣ вассальныхъ автономій, находилъ выгодною для себя фикцію іудейской самостоятельности и поддерживалъ ее съ величайшимъ дипломатическимъ тактомъ одинаково и въ враждѣ, и въ дружбѣ, и въ войнѣ, и въ мирѣ. Великое національное движеніе Іудеи, кончившееся гибелью Іерусалима, вторымъ плѣненіемъ и новымъ разсѣяніемъ народа Израильскаго, съ современной государственной точки зрѣнія, было вооруженнымъ возстаньемъ, возстаньемъ, вродѣ польскихъ 1831-го и 1863-го года. Но Римъ разсматривалъ его, какъ войну, и Титъ, до послѣднихъ минутъ іудейской катастрофы, обращался съ послѣднимъ царькомъ Іудеи, Агриппою, который находился въ его лагерѣ не то плѣнникомъ, не то предателемъ, не то заложникомъ, по такому этикету, будто тотъ продолжалъ быть самовластнымъ повелителемъ своего народа.

Въ Римѣ іудаизмъ встрѣтилъ самаго страшнаго врага своего, но не сразу узналъ его. Дружескія отношенія съ Римомъ приписываются еще Іудѣ Маккавею. Что касается Рима, то, какъ скоро онъ расширилъ свой авторитетъ на Азію и

Египетъ, онъ долженъ былъ прибрать къ рукамъ Палестину — даже, еслибы не хотѣлъ. Во первыхъ, она лежала на его военной дорогѣ, во вторыхъ, была какъ бы привѣскомъ къ Сиріи, его военному базису для Малой Азіи, въ третьихъ, была запутана въ узлѣ сиро-египетскихъ династическихъ притязаній, взаимно агрессивную политику которыхъ Римъ принималъ близко къ сердцу и опекалъ обѣ стороны и дипломатическимъ, и военнымъ путемъ, покуда онѣ обѣ не разложились заживо и не были обращены въ римскія провинціи. Палестина не могла не стать римскою, какъ Польша въ XVIII вѣкѣ не могла избѣгнуть раздѣла между Россіей, Австріей и Пруссіей. Губительнымъ ужасомъ римской побѣды для самостоятельной Іудеи были не отрицательныя качества государства-завоевателя, но положительныя. Изъ отрицательныхъ только денежная жадность, нисколько не считающаяся съ экономическимъ положеніемъ вассальной страны, оставалась у римлянъ общею съ старинными врагами-покорителями Израиля. Да и то какой нибудь Квириній, Фестъ, Феликсъ, Понтій Пилатъ — это не богъ-царь, какъ Навуходоносоръ или Антіохъ Эпифанъ. Это просто чиновникъ-фискалъ, то есть, въ сущности, по нашему говоря, податной инспекторъ, хотя и снабженный генералъ-губернаторскими полномочіями: большая птица въ своемъ административномъ районѣ, но

совершенное ничтожество въ Римѣ предъ сенатомъ и его принцепсомъ. На него, въ случаѣ большихъ злоупотребленій, можно съ успѣхомъ жаловаться, противъ его рѣшеній можно аппелировать, его можно даже припугнуть высшею инстанціей, какъ было съ Пилатомъ въ процессѣ Іисуса Христа, съ нимъ можно спорить о правомочіяхъ и компетенціи его власти, какъ было въ процессѣ Апостола Павла. Онъ подлежалъ ревизіямъ. Во главѣ ихъ мы видимъ самыхъ видныхъ и умныхъ государственныхъ дѣятелей Рима, какъ Маркъ Агриппа, зять императора Августа, благодѣтель династіи Иродовъ, какъ Люцій Вителій и др. Сковомъ, это конь съ уздою, за которую, при желаніи и умѣніи, человѣкъ энергическій легко можетъ взяться. Если вы вспомните нерѣшительность и робость римскихъ генералъ-губернаторовъ Іудеи въ политическихъ процессахъ, хотя бы опять таки Іисуса и Павла, если вы сравните съ ихъ поведеніемъ подвиги нашихъ Нейдгартовъ, Курловыхъ, Каульбарсовъ, Алихановыхъ и имъ подобныхъ, то увидите ясно, что прогрессъ административной отвѣтственности отнюдь не на русской сторонѣ. Правительство Николая II попятило свою бюрократію далеко за Римъ, — оно живетъ въ VI-VII вѣкѣ дохристіанской эры и вдохновляется порядками и нравами восточныхъ сатрапій.

Въ эпоху своей встрѣчи съ іудаизмомъ Римъ

далеко еще не выработалъ своего удивительнаго права, пережитками котораго буржуазная Европа руководится даже до сихъ поръ. Но государственный духъ, создавшій это право, уже царилъ въ немъ съ неукоснительной энергіей, съ спокойнымъ повелительнымъ постоянствомъ, съ тѣмъ страннымъ консерватизмомъ формъ, обновляемыхъ прогрессомъ содержанія, который, послѣ римской республики-имперіи, восторжествовалъ цѣльно, со всѣми своими недостатками и достоинствами, только въ одной европейской конституціи, — въ англійской. Въ гигантскихъ формахъ Рима и іудейства идеалъ всемірной государственности встрѣтился съ идеаломъ противогосударственности. И, такъ какъ крайности сходятся, то оба идеала, не познавъ по первому взгляду своей внутренней непримиримости, оставались нѣкоторое время почти дружными, а, во всякомъ случаѣ, удовлетворенными другъ другомъ.

Накладывая свою тяжелую руку на податную платежеспособность опекаемыхъ народовъ, Римъ продавалъ имъ за это гарантію внѣшняго мира, самую широкую вѣротерпимость, автономію по внутреннему управленію и полное невмѣшательство въ соціальное развитіе края. Всѣ эти качества,— являясь новостью для побѣжденныхъ народностей, бывшихъ до того времени добычей правительствъ власти, хотя туземной, но деспотической или тиран-

нической, полной ревнивыхъ и капризныхъ вмѣшательствъ во всѣ отрасли государственнаго и народнаго быта, — создавали во всѣхъ вассальныхъ странахъ огромныя и могущественныя романофильскія партіи, которыя усердно парализовали порывы независимаго національнизма.

Такимъ романофильскимъ партіямъ естественно было возникнуть и въ іудействѣ. И даже — скорѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой народности. Вспомнимъ, что идея отечества для древняго іудея воплощалась не въ территоріальности и не въ матеріальной совокупности народнаго благосостоянія, но въ избранничествѣ Израиля служить идеалу Яхве, какъ общественной справедливости, и въ неприкосновенности осуществляющихъ это избранничество правъ: свободнаго культа, обособленнаго быта, городскаго и общиннаго самоуправленія, національнаго суда. Всѣ эти элементы абстрактнаго отечества, болѣе драгоцѣннаго для іудеевъ, чѣмъ конкретное, Римъ не только оставлялъ въ покоѣ, но даже сурово наказывалъ посягательства на ихъ прочность. Ни одинъ изъ римскихъ кесарей, за исключеніемъ сумашедшаго Калигулы, не пытался навязать Іудеѣ такъ называемаго „императорскаго культа“, а полоумныя распоряженія Калигулы были демонстративно неисполнены его сирійскимъ вицероемъ Петроніемъ, какъ противныя международному праву. Наоборотъ,

извѣстны случаи, что Римъ строжайше каралъ своихъ же, черезчуръ рьяныхъ, поклонниковъ за провокаціонные акты, вродѣ насильственной постановки императорскихъ статуй въ синагогахъ, либо истребленія свитковъ Торы какими либо фанатическими антисемитами изъ грековъ или сирійскихъ арабовъ. Представьте ка себѣ современную еврейскую общину въ Кишиневѣ или Гомелѣ, которая пришла бы жаловаться мѣстному губернатору, что молъ погромщики осквернили наше сборище — повѣсили въ немъ портретъ Николая II! Сколько изъ такихъ смѣльчаковъ вернулось бы къ домамъ своимъ, не бывъ ввергнуто въ тюрьмы, избито нагайками, а то и пострѣляно изъ казацкихъ винтовокъ? Между тѣмъ, съ точки зрѣнія Моисеева законодательства, что портретъ Николая II, что статуя какого нибудь Калигулы или Клавдія — одинаковая, какъ выражаются пророки, „мерзость запустѣнія“, оскверняющая домъ молитвы и отвращающая отъ него благодать Бога. Въ пониманіи инородческой психологіи Римъ, девятнадцать вѣковъ назадъ, стоялъ не только впереди нашего русскаго самодержавія, съ его родственными вожделѣніями къ сатрапіямъ Ксеркса или Набукоднецара, но даже современныхъ ему іудейскихъ тирановъ, вродѣ хотя бы Ирода Великаго. Онъ, будучи іудеемъ по вѣрѣ, но арабомъ по происхожденію и грекомъ по образу жизни, постоянно оскорблялъ своихъ под-

данныхъ своими эллинскими симпатіями и наклонностями.

Тотъ конкретный національнизмъ, что разбудили въ іудействѣ маккавейскія войны, былъ вызванъ къ жизни хасидами, анавитами, эбіонитами: энтузіастами нищаго равенства во имя общественной справедливости, олицетворяемой богомъ Израиля — въ это время уже неназываемымъ: имя Яхве стало слишкомъ священнымъ, чтобы звучать въ устахъ смертнаго, оно замѣнялось эпитетами, въ томъ числѣ всего чаще — Адонай. Мы уже подробно говорили о происхожденіи этихъ сектъ и объ ихъ пуританской замкнутости. Подъ скипетромъ асмонеевъ именно это качество хасидовъ, замкнутость отъ грѣшныхъ сторонъ внѣшняго міра, переработало ихъ въ ту брезгливую, обрядовую, мелко-буржуазную группу, которая осталась безсмертна въ исторіи, подъ именемъ фарисеевъ, перашимъ — отъ арамейскаго peris или pheris, отдѣленный, обособленный. Фарисейство сохранило для современнаго уха только скверный смыслъ своихъ позднѣйшихъ отрицательныхъ сторонъ, когда въ ихъ святошенствѣ буква закона съѣла духъ его, и соціалистическій идеалъ Моисея противоестественно выродился въ формы и укладъ того мелко-буржуазнаго и коснаго Домостроя, который представляетъ собою знаменитая книга премудрости Іисуса Сына Сирахова. Но исторически эти люди совсѣмъ не были такъ

дурны, какъ слывутъ ихъ репутація. Въ римское время, это — третье сословіе, со всѣми его достоинствами и недостатками: тѣсто и закваска мелкой буржуазіи. Политическимъ идеаломъ ихъ, какъ была, такъ и осталась ѳеократическая республика, они ненавидѣли монархизмъ, жестоко боролись противъ аристократическихъ привилегій и узурпацій свѣтской власти. Стремленія асмонеевъ, хотя они сами были изъ фарисейскаго рода, перевести свое первосвященничество въ царство, то есть изъ президентовъ республики переименоваться въ короли, совершенно поссорили ихъ съ фарисействомъ. Соціально — это демократія и, по своему времени, не худая демократія. Ренанъ остроумно сравниваетъ фарисейство съ янсенистскою буржуазіей предъ 1789 годомъ: ихъ сближаетъ республиканская надменность предъ властью, гордость пуританскимъ ригоризмомъ и мягкость внутренняго режима партіи. Судебные приговоры фарисеевъ были настолько умѣренны, что, въ случаяхъ политическихъ, раздражали верховную власть и вызывали ее къ полицейскимъ репрессіямъ, — совершенно, какъ боязнь оправдательныхъ приговоровъ по суду вызвала въ царствованіе Александра II знаменитый указъ 1871 года о передачѣ политическихъ дѣлъ въ вѣдомство администраціи. Что касается суда религіознаго, мы знаемъ, что, когда апостолъ Павелъ былъ обвиняемъ въ осквернении храма ерети-

ческою проповѣдью, то онъ прибѣгъ къ защитѣ именно фарисейской партіи, какъ болѣе либеральной, и она охотно за него вступилась, объявляя, что проповѣдовать воскресеніе мертвыхъ каждый въ правѣ, — это и ихъ догматъ. Неподвижность религіозныхъ формъ не была въ фарисействѣ связана съ такою же устойчивостью религіозной доктрины. Напротивъ, въ нѣдрахъ его вѣчно и постоянно развивалось мистическое броженіе, и наилучшею характеристикою фарисейства можетъ служить евангельское слово о новомъ винѣ, вливаемомъ въ старые мѣха. Фарисейство — какъ пористый камень, впитывало въ себя вліянія іудейской культурной исторіи, не расширяя своего объема. Ему было мало Торы, — оно окружило Моисеевы легенды и законы облакомъ устныхъ преданій, впослѣдствіи, въ фарисейскомъ раввинизмѣ разсѣяннаго еврейства, выросъ Талмудъ — это счастье и несчастье послѣ-христіанскаго іудаизма, его спасеніе и его погибель, его двигатель и его тормозъ. Оно сохранило въ себѣ всѣ мягкія красоты древнѣйшаго элоизма, звучащія въ перлѣ библейской поэзіи, — въ книгѣ Іова. Оно приняло ангело, и демонологію, жизнь будущаго вѣка, теорію возмездія въ этой жизни и будущей, предопредѣленіе и провидѣніе, какъ коррективы свободной воли, необходимость дѣятельнаго добра, безъ котораго нельзя спастись. Обыкновенно, фарисея представляютъ себѣ, какъ великолѣпнаго ли-

цемѣра, пышнаго богача съ Іудушкинымъ пустосвятствомъ на устахъ и ханжескими манерами Тартюфа, живущаго на показъ публикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что близость къ трону асмонеевъ значительно обуржуазила хасидовъ, этихъ отцовъ фарисеизма, а политическая и соціальная борьба съ саддукейскою аристократіей за первенство въ ѳеократической республикѣ могли и даже должны были создать нѣсколько крупныхъ фарисейскихъ состоянія. Но, въ общемъ, фарисей — маленькій буржуа, живущій трудомъ своихъ рукъ, а потому и нѣсколько двоящійся въ компромиссахъ между новыми соблазнами собственности и старыми соціалистическими завѣтами пророковъ. Едва ли не всѣ знаменитости фарисейскаго раввинизма были людьми ручного труда. Рабби Гиллелъ былъ поденщикъ, рабби Іошуа — иголочникъ, рабби Исаакъ — кузнецъ, рабби Іуда — пекарь, рабби Симеонъ — войлочникъ, рабби Іохананъ — сапожникъ, апостолъ Павелъ — ткачъ, Іисусъ — плотникъ. Всѣ эти люди могли бы быть богачами, еслибы позволяли оплачивать свою мудрость. Но принципъ безплатнаго преподаванія былъ основной при изученіи закона. Человѣкъ, обращающій свою умственную дѣятельность въ доходную профессію, то, что мы называемъ „интеллигентъ“, противенъ древнему фарисеизму. „Не обращай науки ни въ вѣнецъ, чтобы красоваться, ни въ плугъ, чтобы пахать,“ учитъ

въ трактатѣ Пирке-Абботъ рабби Цадокъ; „даромъ получили, даромъ и дайте другимъ“ — наставляетъ апостоловъ своихъ Іисусъ. Вы видите, что это идеи —Льва Николаевича Толстого, проводившіяся, надо откровенно сказать, съ гораздо большею житейскою послѣдовательностью, чѣмъ удается „великому писателю земли Русской,“ ибо у рабби Гиллела не только не было „Ясной Поляны“, но не имѣлось даже второй перемѣны платья, а Іисусъ изобразилъ свое имущественное положеніе съ достаточною яркостью въ знаменитой жалобѣ: „Лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову.“ Такимъ образомъ, знаніе и вдохновеніе, опирающіяся на личный ручной трудъ, были символомъ фарисейскаго раввинизма. Уваженіе къ интеллигенту не терялось оттого, что онъ былъ чернорабочій, наоборотъ — требовалось, чтобы интеллигентность развивалась на почвѣ чернаго труда. Говоря языкомъ современной науки, фарисейская демократія была въ высшей степени манюэлистическою, и вдохновитель манюэлизма Алеманъ былъ бы весьма удовлетворенъ классовымъ подборомъ теократическаго іерусалимскаго парламента, санхедрина: онъ видѣлъ бы себя почти исключительно среди людей ручного труда, крѣпко и дружно объединенныхъ вѣрою, моралью и соціальнымъ міровоззрѣніемъ противъ аристократической когорты, сомкну-

той вокругъ царя, архіереевъ и князей міра сего. „Не отрывайся отъ общины!“ звучалъ лозунгомъ для фарисейства прекрасный завѣтъ Гиллела. Его предтеча, рабби Іосе бенъ Іохананъ убѣждаетъ: „Открой свой домъ для улицы, да станутъ бѣдняки дѣтьми твоего дома!“ И даже суровый Шаммаи убѣждаетъ къ общенію и гуманности: „Говори мало, дѣлай много и каждаго человѣка встрѣчай дружелюбіемъ.“

Сохранилось много данныхъ о томъ, какъ дѣйствовалъ и примѣнялъ законы этотъ судъ ремесленниковъ. Для оправданія обвиняемаго достаточно было простого большинства голосовъ, для обвиненія требовался перевѣсъ, по крайней мѣрѣ, на два голоса. Въ уголовныхъ дѣлахъ законъ требовалъ, чтобы свидѣтели защиты допрашивались прежде свидѣтелей обвиненія. Свидѣтель, однажды высказавшійся въ пользу обвиняемаго, уже не могъ измѣнить показанія во вредъ ему, и, наоборотъ, санхедринъ охотно выслушивалъ, если свидѣтель переубѣждался ходомъ дѣла перемѣнить свое показаніе противъ на показаніе за. Публикѣ разрѣшалось поднимать голосъ только въ защиту обвиняемаго и никакъ не противъ него. Голосовка рѣшенія начиналась съ младшаго члена собранія, чтобы онъ не поддавался авторитету старшихъ. Оправдательный приговоръ объявлялся немедленно, обвинительный откладывали на сутки, оставляя

членамъ суда возможность къ перерѣшенію дѣла. Юридическія максимы учителей фарисейскаго толка поражаютъ своею гуманностью. Рабби Іошуа бенъ Перохіа рекомендуетъ судьѣ въ каждомъ дѣлѣ вооружаться презумпціей невиновности. Классическій афоризмъ Гиллела: „Не суди своего ближняго, прежде чѣмъ поставишь себя на его мѣсто“—конечно, достоинъ Іисусова „Не судите, да не судимы будете.“ Таковъ былъ истинный характеръ, такъ направлялись тенденціи судилища, опороченнаго въ христіанской исторіи настолько, что имя его стало нарицательнымъ для суда неправеднаго, сознательно уничтожающаго невинныхъ. Причина къ такому историческому заблужденію сложилась изъ процессовъ Іисуса, архидіакона Стефана, ап. Павла и Іакова, брата Іисусова. Но въ томъ то и дѣло, что всѣ эти полумиѳическія лица жили и гибли жертвами эпохи, когда въ санхедринѣ, да и вообще въ іудейской политикѣ, торжествовала аристократическая партія и взяло засилье саддукейское большинство.

Въ странностяхъ древняго іудаизма—не послѣдняя та, что, вопреки историческому правилу будущихъ вѣковъ, мистицизмъ въ немъ былъ демократиченъ и свободолюбивъ, а матеріализмъ, наоборотъ, аристократиченъ и грубо консервативенъ. Саддукеи,—отъ первосвященника Цадока, современника Соломона,—представляли собою религіоз-

но-политическую группу храмовой аристократіи, своего рода юнкерство въ первосвященническихъ и священническихъ одеждахъ. Послѣ упраздненія трона асмонеевъ, подъ ненавистнымъ народу управленіемъ идумейской династіи Иродомъ, санъ первосвященника, во имя національной оппозиціи, пріобрѣлъ особенный блескъ и важность. Это—живой символъ іудейства. Такъ какъ право быть такимъ живымъ символомъ народный обычай, ставшій, за давностью лѣтъ, закономъ, признавалъ только за потомствомъ легендарнаго Цадока, то, послѣ паденія и гибели асмонеевъ, преемство первосвященничества распредѣлилось между нѣсколькими знатными фамиліями, претендовавшими на родоеловную отъ Цадока. За 114 лѣтъ, отъ воцаренія Ирода до начала послѣдняго іудейскаго возстанія въ 67 г. по Р. Х., смѣнилось 20 первосвященниковъ, принадлежавшихъ, однако, лишь къ четыремъ фамиліямъ: Фаби, Боэтъ, Анна и Камитъ. Такимъ образомъ, если политическою основою фарисейства былъ ѳеократическій республиканизмъ демоса, то, саддукейство, наоборотъ, строилось, какъ партія, на началахъ олигархіи и неутомимо, хотя и не слишкомъ успѣшно, стремилось къ аристократической тиранніи военщины и капитала, противной и ненавистной духу—воплощенной въ фарисействѣ—іудейской демократіи. Что это были за люди, лучше всего характеризуетъ сатирическая пѣс-

ня, сохраненная Талмудомъ, въ Тосефтѣ Менахотъ:

„Порази чума домъ Боэта!
Порази ихъ чума за ихъ дубины!
Порази чума домъ Анана!
Порази ихъ чума за ихъ интриги!
Порази чума дома Кантеры!
Порази ихъ чума за ихъ крючкотворство!
Порази чума домъ Измаила сына Фаби!
Порази ихъ чума за кулачныя расправы!“

Вотъ кто у насъ первосвященники, а сыновья ихъ — казначеи, а зятья ихъ — надзиратели храма, а холопы ихъ лупятъ насъ дубьемъ!“

Отсюда ясно, что неизбѣженъ былъ лютый соціальный антагонизмъ между фарисействомъ, какъ партіей народа, и саддукействомъ, какъ партіей знати и двора. Если примѣнять къ нимъ современныя парламентскія мѣрки, то фарисейство — это лѣвая, съ ропотомъ революціи за спиною, а саддукейство — крайняя правая, съ готовою полицейскою расправою, съ безжалостною истинно бюрократическою способностью жертвовать интересами народа для своихъ сословныхъ эгоистическихъ цѣлей и торжества выгоднаго имъ того или другого деспотическаго режима. Саддукеи — и въ Іудеѣ, и въ діаспорѣ — являлись именно тою оппортюнистическою группою еврейства, которая своимъ угодническимъ переметничествомъ отъ одного по-

кровительствующаго правительства къ другому возбуждала въ народахъ презрѣніе и ненависть ко всему еврейству. Они были эллинистами при Птоломеяхъ и Селевкидахъ, монархистами при сильныхъ асмонеяхъ, романофилами при асмонеяхъ ослабѣвшихъ, иродіанами при Иродѣ и прихвостнями римскихъ прокураторовъ, по обращеніи Іудеи въ римскую провинцію второго разряда. Это типическая бюрократія съ центральною системою управленія. Находясь у власти, они сидѣли въ столицѣ и разсылали по странѣ, которую они знали не больше, чѣмъ нынѣшніе петербургскіе чиновники-монархисты знаютъ Россію, эдикты, возмущавшіе іудейскій демосъ своею противонародностью и безсмысленнымъ эгоизмомъ столько же, какъ насъ возмущаютъ указы и манифесты, скрѣпленные отъ имени Николая II господами Витте, Дурново, Горемыкиными e tutti quanti. Вольтеръ, подкупленный матеріализмомъ религіозныхъ воззрѣній саддукейства, не захотѣлъ замѣтить ни ихъ политическаго ничтожества, ни ихъ антисоціальной роли въ народѣ еврейскомъ, ни ихъ имморальной тактики, ни ихъ противокультурнаго, свирѣпаго ретроградства. А, главное, прельстившій Вольтера матеріализмъ былъ очень невысокаго качества и происхожденія. Въ немъ не было ничего философскаго, но очень много полицейскаго. Правда, не желая признавать ни

одного изъ мистическихъ наслоеній, которыми облѣпила Законъ вѣковая эволюція фарисейства,— ни воскресенія мертвыхъ, ни предопредѣленія, ни ангелологіи, ни возмездія, — саддукеи являли какъ будто больше раціоналистическаго здравомыслія. Они крѣпко держались только за Тору, да и ту, въ законодательной части, съ удовольствіемъ процензуровали бы, чтобы сократить. Но происходило это не отъ свободомыслія, а, напротивъ, отъ стремленія государственно связать мысль, посадить ее въ тѣсную клѣтку, чтобы не шевелилась и не разсуждала. Такими вольнодумцами и матеріалистами были, пожалуй, и члены пресловутаго бутурлинскаго комитета при императорѣ Николаѣ I, горевавшіе, что нельзя запретить евангелія, такъ какъ оно слишкомъ популярно, — а слѣдовало бы, потому что въ немъ дышетъ побѣдоносный съ 1848 года соціализмъ! Для саддукейства введеніе религіи въ буквенныя рамки Торы имѣло совершенно тотъ же смыслъ деспотической попытки связать народную фантазію и совѣсть наивозможно кратчайшимъ формальнымъ кодексомъ государственнаго вѣроисповѣданія, что, при Константинѣ Великомъ, осуществилъ Никейскій соборъ, подмѣнившій христіанство ортодоксальною церковью и заслонившій соціалистическую нагорную проповѣдь бюрократическимъ символомъ вѣры. Или нашъ святѣйшій синодъ, который подъ властью православныхъ

нѣмцевъ и ихъ оберъ-прокуроровъ, покорно употребилъ пятьдесятъ лѣтъ именно на то, чтобы выкурить изъ образованной Россіи духъ и геній Іисуса, спрятать отъ нея Евангеліе и Библію и оглушить ее предательскою фальшью синодальныхъ руководствъ, одурманить церковно-государственнымъ ладономъ катехизиса Филарета. Если бы г. Побѣдоносцевъ жилъ во времена Иродовъ, то онъ былъ бы съ саддукеями и, конечно, вотировалъ бы распятіе Христу и биченіе Павлу. Въ двадцатомъ вѣкѣ онъ именемъ ихъ терзаетъ и душитъ всѣхъ иновѣрцевъ, диссидентовъ и свободомыслящихъ, а въ первомъ — гналъ бы ихъ самихъ. Если бы саддукеи дожили до нашихъ временъ, то засѣдали бы въ Государственномъ Совѣтѣ и, какъ третьяго дня г. Витте, клеветнически доносили бы на Государственную Думу, будто она хочетъ ограбить Зимній дворецъ и вопили бы противъ амнистіи . . . Амнистій, пощадъ и мѣръ кротости саддукеи никогда не знали. Народъ звалъ ихъ палачами. Судъ ихъ былъ Шемякинъ, акимовскій судъ. Саддукейское большинство въ санхедринѣ всегда обѣщало обвиняемому смертный приговоръ или жестокое тѣлесное наказаніе. Законъ Моисеевъ не позволяетъ сѣчь обвиненнаго свыше 39 ударовъ, но саддукейская жестокость наверстывала количество качествомъ, и часто истязуемый умиралъ подъ плетьми уже на двадцатомъ ударѣ. Какъ

истинно бюрократическій и государственническій элементъ, саддукейство являло собою въ Іудеѣ такой же чуждый наносъ, какъ наше служилое и жалованное дворянство, выращенное Петромъ и его преемниками по табели о рангахъ. И такъ же противно было народу, пропитанному противугосударственнымъ духомъ аграрнаго соціализма, какъ противенъ царскій чиновникъ русскому мужику, въ которомъ тотъ же духъ искони живетъ инстинктивно, а теперь, подъ вліяніемъ соціалистовъ-революціонеровъ и Крестьянскаго Союза, ожилъ и сознательно. Саддукейство не имѣло никакой почвы въ странѣ. „Когда они занимаютъ правительственныя должности, — говоритъ Іосифъ Флавій — то волею-неволею примыкаютъ къ фарисеямъ, иначе народъ ихъ не потерпитъ.“ Обычная картина бюрократическаго министерства, ищущаго громоотвода отъ народныхъ грозъ въ ловкомъ заигриваніи съ государственнымъ соціализмомъ или въ компромиссахъ нынѣшняго русскаго кадетства. Обычная манера властвовать, загребая жаръ чужими руками, надувая и народъ, и своихъ невольныхъ союзниковъ, когда тѣ черезъ силу, но работаютъ съ нимъ заодно — въ обмѣнѣ взаимообмановъ и плевковъ взаимоотвращенія.

Я почелъ нужнымъ подробно остановиться на двухъ главныхъ религіозно-политическихъ партіяхъ іудейства въ предъ-христіанскую эпоху потому,

что онѣ суть два жернова, между которыми зерна библейскаго мистическаго соціализма перетерлись въ муку новаго соціальнаго ученія, освященнаго въ религію легендарнымъ именемъ Іисуса Христа. Я уже говорилъ вамъ, что въ своемъ первобытномъ періодѣ секты, — гораздо менѣе значительной, чѣмъ, напримѣръ, родственное ему ессейство или, тѣмъ болѣе, революціонная отрасль фарисейства, галилейское ревнительство, зилотизмъ, — христіанство не только не было, но и не могло быть антисемитическимъ, такъ какъ, въ устахъ Іисуса, оно звучало чистѣйшею квинтъ-эссенціей именно семитическаго духа, говорившаго въ Второзаконіи, Исаіи, Іереміи. Почему евангельская мука, смолотая двумя жерновами, не осталась на іудейской мельницѣ, для которой она уготовлялась, а была выброшена изъ закрома, какъ негодная, разсыпалась по всему свѣту и стала не пищею, но ядомъ для іудейства, — этому процессу я отдамъ свое слѣдующее чтеніе.

Оглядываясь на настоящее чтеніе, я замѣчаю, что вы можете упрекнуть меня односторонностью обрисовки обѣихъ партій, о которыхъ шла рѣчь. Въ фарисействѣ я, какъ будто, отмѣтилъ только положительныя черты, въ саддукеяхъ — только отрицательныя. Смѣю увѣрить, что это сдѣлано не по ошибкѣ и не по желанію ввести въ наше изслѣдованіе мистическій дуализмъ, соціаль-

ныхъ Ормузда и Аримана. Но я хотѣлъ вамъ представить основныя идеи партій, а не тѣ качества и проявленія, что натерлись на нихъ, какъ историческія обростанія. При дальнѣйшемъ изложеніи мы, конечно, увидимъ, что и фарисейство, при всей положительности своего внутренняго типа, совершило и выработало много историческихъ пошлостей, глупостей, гнустностей, и, наоборотъ, саддукейству случалось занимать, хотя и очень рѣдко, позиціи красивыя и полезныя. Но искаженія идей и поправки къ идеямъ не суть самыя идеи. Излагая же послѣднія, я заботился, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы представить вамъ естественную антитезу не умирающей силы, однажды проснувшагося, соціальнаго генія націи съ искусственными формами, которыя государственничество стремится натянуть на нее, какъ инквизиціонный испанскій сапогъ. Не въ томъ дѣло, хороши или худы были фарисеи и саддукеи, не въ томъ дѣло, кто лучше, а дѣло въ томъ, что фарисейство носило въ своей оболочкѣ идеалъ и энтузіазмъ народныхъ массъ, рабочихъ и производящихъ, саддукейство же оставалось безпринципнымъ и холоднымъ капиталистическимъ паразитомъ, который кормился при храмовомъ золотѣ и охранялся всякою вооруженною силою, какую могъ добыть въ свое феодально-бюрократическое распоряженіе лестью, деньгами или предательствомъ народныхъ интере-

совъ. При первомъ взглядѣ на стороны нашей антитезы ясно, какая изъ нихъ жизнеспособна, какая должна умереть, какъ скоро политическая буря разрушитъ оранжерею, гдѣ выросло это пышное, хищное и ядовитое растеніе-паразитъ. Политическій саддукеизмъ умеръ вмѣстѣ съ самостоятельностью Іудеи и умеръ безъ всякой красоты: послѣдній саддукейскій первосвященникъ и восемь высшихъ архіереевъ перебѣжали къ римлянамъ. Онъ разсѣялся вразсыпную, удирая, куда глаза глядятъ, какъ расточаются всѣ государственные паразиты отъ грома революцій, гражданскихъ и народныхъ войнъ. Это — французскіе эмигранты стараго режима, прихлебательствующіе при австрійскомъ, прусскомъ и русскомъ дворахъ, это Людовикъ XVIII — русскій приживальщикъ въ Митавѣ, это — наши россійскіе великіе князья, удирающіе въ Каннъ и Ниццу съ ящиками своего награбленнаго золота. А съ народомъ остался — народъ. Фарисаизмъ принялъ на плечи свои всю муку и бремя, сужденныя Израилю, въ его разсѣяніи и изгнаніи, и пошелъ съ народомъ своимъ, какъ неразлучный товарищъ-колодникъ, скованный общею цѣпью, по дорогѣ, убитой острыми кремнями, обсаженной злымъ терніемъ девятнадцати вѣковыхъ мукъ. Фарисаизмъ, въ своей раввинистической и синагогальной трансформаціи, это та сила, которая приняла на себя первые удары римскаго антисеми-

тизма и отвѣчала на нихъ первою полемикою; которая, спасая самобытность народнаго генія, исключила изъ іудаизма павло-христіанскую секту и приняла ея борьбу; которая потрясала восточное могущество римской имперіи мессіаническими войнами; а — главное — которая создала литературную и философскую самозащиту іудейства: гигантскую сумрачную крѣпость Талмуда, — „закона, отгороженнаго отъ иновѣрныхъ непрерывно умножаемыми стѣнами.“ Въ историческомъ процессѣ „умноженія стѣнъ“ мы увидимъ много темнаго, попятнаго, реакціоннаго. Ихъ отрицательныя уродства заставили Европу позабыть, почему и зачѣмъ воздвигалъ ихъ испуганный, измученный народъ, что́ онъ прячетъ за ними подъ семью замками. Такъ грязныя стѣны и отравленныя улицы старинныхъ Гетто заставляли забывать, что въ этихъ ужасныхъ кварталахъ ютится народъ-избранникъ, которому суждено, въ неустанномъ напряженіи мысли, вырабатывать для міра новыя формулы вѣчныхъ соціальныхъ истинъ и свободъ. Но нѣтъ вѣчныхъ стѣнъ, и Гетто разрушены. И, чѣмъ больше падаетъ обветшавшихъ стѣнъ, тѣмъ яснѣе видимъ мы, что хранитъ въ себѣ, спрятавшійся за ихъ ограду, народный идеалъ. Намъ освѣтили его своими факелами, растолковали и вознесли на пьедесталъ уже не для однихъ евреевъ, но и для всѣхъ народовъ, такіе люди, какъ Спи-

ноза, Мендельсонъ, Бёрне, Гейне, Лассаль, Марксъ. Въ ихъ лицѣ возвратился еврейству тоть старинный геній прозелитизма, что спалъ восемнадцать вѣковъ, за безсиліемъ вѣщать свою, закованную въ цѣпи, истину. Въ ихъ лицѣ, еврейство взялось за руль соціальной и политической мысли въ Европѣ. Въ работѣ еврейства на свободу молодой Германіи, на демократизацію Франціи, на революцію въ Россіи, на всеобщій соціалистическій перестрой государствъ Европы дышетъ тотъ же геній, что нѣкогда заставилъ царя Осію — слушая Второзаконіе — разорвать свои одежды и залиться горькими слезами отчаянія. И это — вѣчный прообразъ исторической роли еврейскаго генія. Отъ него всегда будутъ плакать цари, и радоваться — свободные народы!

Трагическій случай сдѣлалъ такъ, что нашъ курсъ о происхожденіи антисемитизма античнаго совпалъ хронологически съ однимъ изъ самыхъ жестокихъ и ярыхъ актовъ антисемитизма современнаго. Я говорю о бѣлостокскомъ погромѣ, вызвавшемъ въ русскомъ еврействѣ повсемѣстно напряженныя ожиданія, что зараза эта поразитъ и ихъ печальные уголки. Даже въ этотъ самый день, когда мы заключаемъ свои чтенія о страданіяхъ, принятыхъ еврействомъ отъ разныхъ Титовъ, Траяновъ и Адріановъ, эта мучительная лѣтопись пополнилась еще новымъ, угрожающимъ

и бѣдоноснымъ актомъ: Николай Романовъ объявилъ благодарность войскамъ, находившимся въ Бѣлостокѣ во время погрома. Если мы вспомнимъ, что слѣдствіе, — даже слабое слѣдствіе, оказавшееся посильнымъ думской коммиссіи, вопреки сотнямъ тормозовъ, которые къ нему были прицѣплены, — установило для большинства жертвъ смерть отъ штыковыхъ ранъ, то благодарность Николая II получаетъ особо выразительный, кровавый смыслъ. Царская благодарность въ самодержавной Россіи имѣетъ значеніе закона и есть его фактическій эквивалентъ. Живя въ XX вѣкѣ, на глазахъ европейской цивилизаціи, которая, хоть вяло, но все же не одобряетъ, даже Николаю II трудно издавать прямые законы, эдикты и манифесты во вкусѣ Ирода Великаго, съ высочайшимъ предписаніемъ, по войскамъ — избивайте виѳлеемскихъ младенцевъ! Но, оказывается, вопреки шумнымъ декламаціямъ нашей Государственной Думы, русское самодержавіе держится еще достаточно крѣпко и самоувѣренно, чтобы представитель его не боялся заявить себя Иродомъ post factum. Закона избивать виѳлеемскихъ младенцевъ онъ не издавалъ, но, когда младенцы были избиты, онъ поблагодарилъ. Вышло одно на одно, что и требовалось доказать. Этою гнусною благодарностью Николай II измѣнилъ даже обычному своему лицемѣрію. Самодержавіе сбросило

маску и объявило еврейству открытую войну. А пресловутое интервью генерала Трепова, обсуждаемое теперь всю европейскую печатью, сотоматически повторило и тотъ новичныя casus belli, что провозглашали всѣ исконные насильники и воители противъ еврейства, о которыхъ мы говорили въ нашемъ курсѣ, отъ эгипетскаго фаривна до генераловъ Типа, Трояна и Адріана. Евреи не хотятъ покориться существующему порядку, евреи дѣлаютъ революцію.

Враждебный инстинктъ невольно дѣлаетъ часто лучшіе комплименты, чѣмъ самое дружеское расположеніе. Къ такимъ комплиментамъ надо отнести и это правительственное положеніе, что евреи дѣлаютъ революцію, хотя комплиментъ, увы, и обходится еврейству цѣною ужъ слишкомъ мучительныхъ и трагическихъ жертвъ. Да, евреи дѣлали революцію, — всегда ее дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать — до тѣхъ поръ, покуда революція не побѣдитъ міра соціалистическимъ переустройствомъ, покуда старыя деспотіи и буржуазныя конституціи не падутъ въ прахъ подъ дыханіемъ тѣхъ демократическихъ равенствъ, во имя которыхъ геній еврейскихъ эбіоновъ, за VIII столѣтій до Р. Х., исправлялъ старые кочевые Моисеевы законы соціалистическими статьями Второзаконія. Евреи не могутъ не дѣлать революціи — активной или пассивной, потому что со-

ціальная революція во имя закона справедливости — ихъ характеръ, ихъ назначеніе, ихъ исторія среди народовъ. Въ этихъ безконечныхъ революціяхъ они потеряли все: національную территорію, политическую самостоятельность, храмъ, языкъ, — все вещественное, что связываетъ собою народы, и, всетаки, остались народнымъ цѣлымъ, можетъ быть, непоколебимымъ и недробимымъ болѣе, чѣмъ всѣ другія народныя цѣлыя, которыя очень заботятся о своихъ національныхъ территоріяхъ, политической самостоятельности, храмѣ, языкѣ. Еврейство — единственный народъ, національно исполняющій завѣтъ — „не сотвори себѣ куміра". Единственный народъ, котораго союзъ опирается не на искусственную политическую лѣпку тѣхъ или иныхъ границъ и условій управленія, но на огромныя философскія идеи, независимыя отъ границъ и превосходящія всѣ условія управленія. Еврейство разлилось по Европѣ и странамъ, воспріявшимъ ея цивилизаціи, какъ живой законъ соціальной совѣсти. Въ этомъ весь смыслъ его историческаго разсѣянія, въ этомъ его международная заслуга и отсюда его жуткія международныя страданія. Ибо совѣсть свою рѣдко кто любитъ, и огромное большинство борется съ нею и глушитъ ее въ себѣ, покуда она не побѣждаетъ человѣка неумолимою логическою правдою своихъ запросовъ и не становится главною силою его

жизни, которою онъ руководствуется или предъ которою стыдится и кается. Огромный русскій писатель — и уже далеко не юдофилъ — признался однажды, что онъ не можетъ видѣть еврея, не ощущая при этомъ чувства нѣкотораго стыда и виноватости. Этотъ голосъ нечистой совѣсти, въ высшей степени, свойственъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ націямъ. Онѣ борятся, въ лицѣ еврейства, съ упреками и стыдами собственнаго тоскующаго самосознанія — до тѣхъ поръ, пока не переполняется чаша страданій и ужасовъ, и прозрѣвшая нація, видя себя на краю бездны, не сжигаетъ все, чему поклонялась, чтобы поклониться всему, что сжигала. Такъ, случилось уже два раза на протяженіи двадцати вѣковъ. Два раза соціальная совѣсть, воплощаемая еврействомъ, торжествовала надъ міромъ огня, меча и золота. Первый разъ, когда она родила и выдѣлила изъ себя евангельскій идеалъ. Второй періодъ — переживаемъ мы. Періодъ, когда пробуждающаяся совѣсть Европы вооружилась догматами великихъ соціалистовъ, рожденныхъ и воспитанныхъ еврействомъ, чтобы разрушить свои церкви, государства, сословія, неравенство классовъ для того Новаго Іерусалима, о которомъ первые сны разсказалъ намъ еврей Исаія, а послѣдніе систематическіе планы — еврей Марксъ.

Да, еврейство — революціонная сила въ мірѣ. И это не потому только, что евреямъ худо живется среди народовъ въ своемъ разсѣяніи, и что они изнемогаютъ въ безправномъ страданіи отъ подозрительныхъ гоненій. Еврейское революціонерство далеко не простой и грубый отвѣтъ на преслѣдованія еврейства. Тѣ, кто угадали въ погромахъ, въ чертахъ осѣдлости, въ разновидностяхъ Гетто — съ одной стороны, въ еврейскомъ революціонерствѣ — съ другой, элементы классовой борьбы, глубоко правы. Еврей осужденъ на революціонерство потому, что въ громахъ Синая ему заповѣдано быть соціалистическимъ ферментомъ въ тѣстѣ міра, видоизмѣняющаго типы буржуазнаго рабства. Евреи никогда не были довольны ни однимъ правительствомъ, подъ власть котораго отдавала ихъ историческая судьба. И не могутъ они быть довольны, и не будутъ, потому что идеалъ совершенной демократіи, заложенный въ душѣ ихъ, нигдѣ еще не былъ осуществленъ. А борьба за этотъ идеалъ — вся ихъ исторія. Притомъ, борьба безъ комиромиссовъ. Еврейскій народъ — мученикъ, тысячелѣтіями отдававшій свое тѣло на растерзаніе и испытанія, покупавшій себѣ возможность дышать и жить самыми мучительными и унизительными условіями физическаго рабства, но не позволившій зачеркнуть хотя бы іоту въ своемъ идеалѣ. Онъ зналъ

компромиссы слабѣющей плоти, но не зналъ компромиссовъ духа. Соціалистъ по натурѣ, соціалистъ до мозга костей, онъ на цѣлые вѣка вынуждался закономъ самосохраненія завертываться въ грубо-буржуазныя оболочки — настолько густо и ловко, что возникали даже цѣлыя ученія — не говоря уже о предразсудкахъ! — цѣлыя соціологическія теоріи о врожденной буржуазности, какъ типическомъ расовомъ признакѣ еврейства. Но „краски чуждыя съ годами спадаютъ ветхой чешуей“, и въ голосахъ Лассаля, Маркса, въ революціонныхъ дѣйствіяхъ русско-еврейскихъ вождей освободительной эпохи мы слышимъ неизмѣнными вопли старыхъ эбіонитовъ, громы Исаій, плачъ Іереміи, благородную уравнительную утопію Гиллела и Іисуса. Въ еврействѣ могутъ быть и есть сильныя буржуазныя теченія, въ еврействѣ часты проявленія не только единичнаго, но и массоваго буржуйства, но еврейство, какъ таковое, никогда не можетъ стать ни буржуазнымъ цѣлымъ, ни сознательнымъ орудіемъ буржуазной силы. Скажу болѣе того: даже тѣ силы въ еврействѣ, которыя казалось бы, не только буржуазны, но даже сверхъ-буржуазны и по профессіямъ, и по роду жизни, и по проповѣдуемымъ убѣжденіямъ, всетаки не надежны, какъ буржуазія, потому что ни эпикурейство, ни саддукеизмъ, ни раціонализмъ, ни матеріалистическій индифферентизмъ, смѣняясь вѣ-

ками, не оторвали ихъ отъ религіозно-соціальнаго союза, построеннаго на вдохновеніяхъ эбіонастическаго идеала, по которому богатый беззаконникъ самъ или сынъ беззаконія, а жить въ законѣ, значитъ нести равенство трудовой нищеты. Быть можетъ, быстрое вырожденіе неврастеническихъ поколѣній, которымъ такъ часто страдаютъ семьи еврейской буржуазной интеллигенціи, надо въ значительной степени приписывать тому душевному разладу, что вноситъ въ эти чуткія натуры несогласіе ихъ быта съ сознательнымъ, но неисполняемымъ, въ сторону отставленнымъ, идеаломъ. Ни одна религія не выпускаетъ изъ себя вѣрныхъ своихъ такъ трудно, какъ еврейская. Я не про внѣшнія трудности говорю, а про внутренній миръ обращаемаго. Громадный процентъ выкрестовъ кончаетъ самоубійствами, сумашествіемъ. Тяжелая расплата за потрясенное, перевернутое вверхъ дномъ міросозерцаніе. Да, еврейство въ мірѣ — не только нація, раса, религіозное сообщество, оно и соціальная партія. Если Павлово христіанство вошло въ міръ, чтобы выработать союзы, теорію и этику буржуазнаго строя, то іудейство, со всѣми его потомственными подраздѣленіями въ религіяхъ и философіи, осталось жить и терзаться въ мірѣ, чтобы сохранить ему соціализмъ.

Не помню, кто изъ слушателей, еще послѣ перваго моего чтенія предложилъ мнѣ вопросъ,

думаю ли я, что еврейство останется народомъ, націей вплоть до торжества классовой побѣды, до соціалистическаго переустройства міра. Вопросъ этотъ имѣетъ два смысла. Если подъ народомъ понимать единство особей въ союзѣ по расовому родству, то евреи благополучно пронесли таковое сквозь четыреста вѣковъ и не замѣтно, чтобы оно слабѣло, хотя, мало по малу, возрастающее количество смѣшанныхъ браковъ и творитъ свою работу безостановочной ассимиляціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что религіозныя основы народнаго еврейскаго союза дрогнули подъ наплывомъ цивилизующаго опыта и позитивной философіи не менѣе, чѣмъ столпы всѣхъ другихъ религій. Но, такъ какъ идущая имъ на смѣну соціальная религія человѣческаго равенства всегда жила въ еврействѣ и, подъ разными псевдонимами, была сокровенною силою души, то и религіозное разрушеніе отзывается и будетъ отзываться на еврейскомъ народномъ союзѣ съ гораздо меньшею силою, чѣмъ сказалось оно, напр., на католическихъ народахъ или начинаетъ сказываться на русскомъ православіи. Принимая соціалистическое исповѣданіе, еврей лишь находитъ новыя, ясныя и подробныя формы для существа, которое въ немъ изстари жило недоговореннымъ и короткимъ, хотя и пестрымъ, пророчествомъ. Какъ уже не разъ упомянуто, Марксъ лишь досказываетъ, утверждаетъ и

развиваетъ Исаію, Гиллела, Іисуса. Чтобы принять соціалостическое міровоззрѣніе, еврею нѣтъ надобности ломать въ себѣ тѣ эллинистическіе взгляды, тѣ остатки римской мысли и римскаго права, которые стоятъ стѣною между этимъ міросозерцаніемъ и умомъ буржуазныхъ европейскихъ поколѣній — плодовъ девятнадцативѣковой эволюціи Павлова христіанства. И я, по крайней мѣрѣ, не видалъ примѣра, чтобы еврей, дѣлаясь соціалистомъ, переставалъ быть евреемъ, и чтобы соціализмъ мѣшалъ ему оставаться въ средѣ родного народа и — хотя бы формально и индифферентно — числиться въ его религіозномъ союзѣ. Вы хорошо знаете, что церковное христіанство, будь оно Пія X, будь оно Побѣдоносцева, потому и не христіанство, что оно отреклось отъ Іисусова іудаистическаго соціализма, и, слѣдовательно, возвращаться къ соціализму для католика или православнаго значитъ зачеркивать свою церковь и быть, въ свою очередь, вычеркнутымъ изъ нея. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, послѣдите за современными синодальными гоненіями, до лишеній священства включительно, на тѣхъ довольно многочисленныхъ поповъ, которые разглядѣли евангельскій соціализмъ и, опираясь на его авторитетъ, выражаютъ сочувствіе стремленіямъ и дѣйствіямъ современной соціальной революціи. Уходя въ соціализмъ отъ своей религіи, церков-

никъ-католикъ или православный начинаетъ быть соціалистомъ, а еврей лишь продолжаетъ имъ быть, лишь переходитъ отъ соціализма безсознательнаго къ сознательному. Оттого въ еврействѣ такъ часты обращенія къ соціалистическому образу мнѣній людей сравнительно пожилыхъ и даже старыхъ — типовъ, которые такъ любитъ изображать въ своихъ беллетристическихъ очеркахъ нашъ талантливый товарищъ Айзманъ. Въ церковническихъ кругахъ христіанства подобные поздніе перевороты на старости лѣтъ — почти неслыханное дѣло. Итакъ, къ великому счастію еврейства, процессъ приспособляемости къ соціалистическому перевороту ведетъ еврея по линіи наименьшаго сопротивленія, и нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ за то, чтобы къ торжеству классовой побѣды еврей дошелъ обезличеннымъ, внѣ своей расы, рода и племени. XXI или XXII-й вѣкъ по Р. Х. увидятъ его съ тою же философскою складкою неизмѣняемаго лица, что видимъ мы на ниневійскихъ барельефахъ царя Ассараби. Надо лишь надѣяться, что выраженіе лица будетъ другое, и сползетъ съ него та вѣковая кручина, которую друзья еврейства справедливо назвали міровою скорбью, а враги, вродѣ Достоевскаго, высмѣивали, какъ „скорбную надменность“.

Если вопросъ о сохраненіи еврействомъ своей народности предложенъ былъ въ другомъ смыслѣ,

въ государственномъ, то я долженъ сознаться, что сіонистическимъ ученіемъ я занимался уже давно и мало знакомъ съ его современностью. Оставилъ же я имъ заниматься потому, что оно, по существу своему, представляетъ собою теорію, выращенную внѣ еврейскаго міросозерцанія и наносную въ немъ изъ эллинскаго порыва къ государственности, изъ попытки европеизировать еврейство въ буржуазномъ государствѣ, рамокъ котораго оно лишилось девятнадцать вѣковъ назадъ и рамки котораго оно съ тѣхъ поръ, спасибо ему, преусердно разрушаетъ, работая среди другихъ народовъ. Я знаю, что существуютъ весьма многочисленные сіонисты-соціалисты, но ихъ уже самое названіе показываетъ, что они лишь коррективъ къ гораздо болѣе многочисленнымъ сіонистамъ просто. Да и имена вождей сіонизма всегда говорили и говорятъ больше о либеральной буржуазіи, чѣмъ о пролетарской демократіи. Такъ что, не смотря на коррективъ и компромиссъ сіонистовъ-соціалистовъ, сіоническое движеніе идетъ отъ соціализма весьма стороною, часто ему враждебно, и, потому, врядъ ли оно будетъ успѣшно. Поздно строить новыя государства, когда соціализмъ работаетъ въ милліоны рукъ, чтобы разрушать старыя, и именно еврейскія руки въ работѣ этой — на первой очереди, на первомъ счету. Въ теченіе нашего курса, мы неоднократно видѣли, что со-

діальная энергія еврейства неизмѣнно обращалась съ враждою къ каждой государственной власти, къ каждой формѣ правленія, какія вырабатывало для Іудеи и Израиля эпохи ихъ самостоятельности. Вопросъ отечества, какъ территоріальности, никогда не игралъ для еврейства роли рѣшительнаго „быть или не быть“, — онъ, въ лучшемъ случаѣ, оставался лишь возможностью, которая именно можетъ быть, можетъ и не быть, а еврейство и съ нею, и безъ нея, все равно, безсмертно будетъ. Собственно говоря, территоріальная роль самостоятельнаго еврейскаго государства всегда была очень ничтожна сравнительно съ еврейскимъ распространеніемъ и вліяніемъ между иными народами. Въ первомъ вѣкѣ число палестинскихъ евреевъ было не болѣе трети всего еврейства, разсѣяннаго въ добровольной эмиграціи по странамъ африканской, азіатской и греческой діаспоры. Такъ что я долженъ сознаться, что въ государственную миссію еврейства плохо вѣрю, хотя и очень понимаю, что, подъ вліяніемъ тиранствъ и звѣрствъ вродѣ бѣлостокскаго, идея собственнаго государственнаго убѣжища должна зажигать многіе еврейскіе умы страстнымъ и искусно мотивированнымъ стремленіемъ. Изъ всѣхъ территоріальныхъ идей сіонизма народною можетъ быть только палестинская, освященная историческими преданіями и мессіаническими мечтами. Но между нею

и дѣйствительностью стоятъ тысячи непреодолимыхъ преградъ, построенныхъ политикою, исторіей и, наконецъ, самою природою, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ соревновавшею съ людьми въ безжалостномъ убійствѣ злополучной страны Обѣтованной. Въ древности идея Іудеи была идеей храма. Такою осталась она и въ воображеніи средневѣковаго еврейства, увлекавшагося десятки разъ мессіаническими призывами разныхъ то энтузіастовъ, то помѣшанныхъ, то шарлатановъ, такою живетъ и сейчасъ въ темныхъ и нищихъ хатахъ Западнаго и Югозападнаго края, гдѣ стучатъ паяльниками старики съ библейскими бородами, облитыми слезами въ часы ритуальныхъ воспоминаній объ Іерусалимѣ. . . . Но вѣдь дѣти и внуки этихъ сѣдыхъ бородъ это уже Бундъ, это соціалъ-демократія, это — сознательный пролетаріатъ. Очень можетъ быть, что такъ уже недалеко время, когда они бросятся въ рядахъ всепролетарской арміи, на великолѣпныя христіанскія и мусульманскія зданія нынѣшняго Сіона, чтобы замѣнить ихъ побѣжденныя эмблемы красными знаменами и девизами: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Но, признаюсь, сомнѣваюсь, чтобы они предприняли этотъ подвигъ ради удовольствія видѣть г. Макса Нордау въ одеждахъ первосвященника, закалающимъ жертвеннаго

агнца. Времена крестовыхъ походовъ, рублемъ ли, мечомъ ли, дипломатіей ли, прошли безвозвратно и для тѣхъ, кто носитъ крестъ, и для тѣхъ, кто его не носитъ. Христосъ и Яхве одинаково умерли, а имя мертвыхъ сильно только надъ мертвыми, живые думаютъ о живомъ и работаютъ на жизнь. Будущее жизни не за государственнымъ зиждительствомъ, но за соціалистическимъ смерчемъ, сметающимъ съ лица земли границы государствъ. Соціализмъ — религія настоящаго, творящая будущее. Ну, а святымъ этой религіи ни храмовъ, ни куреній, ни жертвъ не понадобится. Взгляните въ окна: всюду на горизонтѣ видать ихъ, храмы рабочаго соціализма, упершіеся въ небо длинными кирпичными трубами, вѣчно дымящими свой нефтяной и каменноугольный ѳиміамъ предъ алтаремъ труда и свободы.

Что касается другихъ территоріальныхъ возможностей сіонизма, вродѣ государствъ на Синайскомъ полуостровѣ или Уганейдѣ, мнѣ онѣ всегда представлялись попытками создать не столько государство, сколько „мѣста, не столь отдаленныя“.

Итакъ, кончая свой отвѣтъ, я долженъ высказать убѣжденіе, что соціалистическій перестрой Европы застанетъ еврейство въ народѣ, но не въ государствѣ. Сила соціалистическая,

сила противугосударственная, оно не можетъ обратить само на себя тѣ цѣли и средства, противъ которыхъ оно борется и которыя побороло уже въ столькихъ вѣкахъ и странахъ. Неутомимый и ѣдкій разлагатель государственности, еврейство — концентрація освободительной идеи въ человѣчествѣ; оно никогда не могло и никогда не сможетъ вмѣститься ни въ какую государственную клѣтку. Чувство свободы, чувство человѣческаго самосознанія и достоинства въ нравственномъ самоотчетѣ, чувство единства въ идеѣ и служеніи за идею, — вся эта еврейская закваска разлита въ мірѣ, какъ эѳиръ въ атмосферѣ, и еврейство не для того научило людей разныхъ странъ и націй чувствовать себя гражданами міра, чтобы самому отказаться отъ этого гражданства и скрыться за предѣлами какого нибудь новаго Гетто, котораго единственная разница отъ средневѣковыхъ будетъ, что оно — разъ во сто больше площадью.

Не еврейству надо бѣжать изъ среды народовъ, которые обязаны ему лучшими и чистѣйшими вдохновеніями своей мысли, а народы, освобождающіяся изъ подъ старыхъ государственныхъ формъ, должны заботиться, чтобы еврейство было гарантировано и убережено отъ послѣднихъ злобныхъ натисковъ этихъ отживающихъ формъ, которыя отрицать и побѣждать

еврейство учило Европу со временъ царя Езекіи, и наконецъ выучило и побѣдило. Въ дни приближающихся пролетарскихъ побѣдъ еврейству надо быть не за тридевять земель, въ своемъ домашнемъ углу, а на пирѣ побѣды, на почетномъ мѣстѣ, какъ старѣйшему изъ бойцовъ торжествующей арміи. И, если мы не достигнемъ этого, на зло всѣмъ злобамъ гніющаго царизма, то не будетъ намъ стыдно.

Этимъ словомъ надежды и вѣры заключаю свой коротенькій курсъ. Благодарю васъ, господа, за вниманіе, которое вы ему удѣлили. На будущую осень, если увидимся опять въ Парижѣ, я намѣренъ продолжить его пятью лекціями, обнимающими исторію антисемитизма въ средніе вѣка и ближайшее время, до XIX вѣка включительно. Но . . . на новый годъ евреи желаютъ другъ другу обыкновенно: Дай Богъ слѣдующій годъ намъ встрѣтить въ Іерусалимѣ. Я же, при всей любви моей къ нашей молодой школѣ и при всемъ желаніи ее сохранить, всетаки, пожелаю вамъ: — осенью встрѣтиться въ Россіи. . . По всей вѣроятности, это такая же мечта, какъ Іерусалимъ. Но — что дѣлать? Мечта о родинѣ — хлѣбъ изгнанія. Да пошлетъ же намъ судьба встрѣчу въ Россіи. А Россію пусть дастъ намъ она застать не угнетенною, не погромною и не праздно болтающею, въ видѣ по-

вара надъ Ваською-котомъ, который слушаетъ, да ѣстъ. Нѣтъ, мы застанемъ ее въ оружіи и подъ красными знаменами, застанемъ ее — въ борьбѣ обрѣтающаго право свое.

Типографія Левента, (С. Сиднеръ)
Берлинъ, Линденштрассе 93.